
АЛЕКСЕЙ РОМАНОВ
КИТАЕЦ
ТИШИНА ТАЙГИ
18+

Алексей Романов

Китаец. Том I. Тишина Тайги.

«Автор»
2026

Романов А.

Китаец. Том I. Тишина Тайги. / А. Романов — «Автор», 2026

Он ушёл от мира, чтобы забыть. Но мир не забыл его.Александр Лан — тридцать шесть лет, офицер, прошедший горячие точки от Дагестана до Ирана. Китаец по деду, русский по воспитанию. После гибели лучшего друга Ивана он уходит со службы и уезжает в глухую сибирскую тайгу, в деревню деда-егеря. Два года он строит мир из тишины и рыбалки.Однажды на берегу лесного озера появляется генерал ФСБ. Его дочь Алина уехала с арабским женихом в сектор Газа. Генерал просит о помощи. И у Саши есть свой долг перед этим генералом: погибший Иван был его племянником.Саша соглашается. Ради памяти друга.Впереди — Каир, Рафах, разрушенные улицы, контрабандные туннели. Впереди — Хасан, жених Алины, связанный с контрабандистами. Впереди — война, которая бомбит сектор каждый день.Он должен найти её. Вывезти. И не попасться никому. Потому что официально его не существует.Роман о долге, памяти и спасении. Для тех, кто ценит сильных героев и тщательное погружение в мир, где каждый шаг может стать последним.

© Романов А., 2026
© Автор, 2026

Алексей Романов
Китаец. Том I. Тишина Тайги.

Глава 1. Сон, который не отпускает

Пыль была везде.

Она висела в воздухе, мелкая, серая, будто кто-то просеял сквозь сито весь Тегеран и разбросал над улицами. Она скрипела на зубах, забивалась в поры, оседала на ресницах, превращая мир в мутную, дрожащую картинку. Саша помнил, как стоял на крыше полуразрушенного здания в южном пригороде, прижимаясь спиной к горячей от солнца стене. Бетон был шершавым, и через тонкую ткань камуфляжа чувствовалось, как он медленно отдаёт накопленное за день тепло. Внизу, на улице, горел перевёрнутый автобус. Чёрный дым поднимался к небу — густой, тяжёлый, с маслянистым блеском, — и смешивался с пылью, образуя что-то похожее на смог. Пахло горелой резиной, дизелем и чем-то ещё, сладковатым и тошнотворным, что Саша предпочитал не идентифицировать.

Он лежал на животе, вдавив приклад автомата в плечо, и смотрел вниз через оптический прицел. В перекрестье мелькали тени — люди бежали, прятались, падали. Где-то далеко, на севере, ухали взрывы. Ритмично, как метроном. Бум. Пауза. Бум. Пауза. Саша считал их машинально, как учили: один, два, три... Пятый взрыв прогремел ближе, и здание под ним вздрогнуло, осыпав на голову крошку штукатурки.

— Китаец, приём, — прошелестело в наушнике.

Голос Ивана. Всегда спокойный, даже когда вокруг творился ад. Саша помнил, как у него самого в такие моменты внутри всё сжималось в пружину, а Иван — Иван оставался невозмутимым. Будто война была для него просто работой. Ну, в общем-то, и была.

— На связи, — ответил Саша. Голос звучал ровно. Он научился этому за годы службы: говорить так, чтобы никто не слышал, что творится внутри.

— Вижу три единицы техники. Американцы. Идут с севера. Похоже, «Абрамсы». — Иван сделал паузу, и Саша услышал, как он щёлкнул затвором. — Красивые, зараза. Как на параде.

— Принял. — Саша перевёл прицел на север, поймал в перекрестье три тёмных силуэта, выползающих из-за поворота. Танки двигались медленно, уверенно, будто знали, что им ничего не грозит. — Уходим по восточному коридору. Точка сбора — колодец у мечети.

— Понял. Прикрываю.

Саша отполз от края крыши, поднялся на ноги. Рядом, у слухового окна, сидел молодой боец — совсем мальчишка, лет двадцать, не больше. Лицо в саже, глаза круглые от страха. Саша положил руку ему на плечо:

— Живой?

— Так точно, товарищ капитан.

— Тогда вниз. Быстро. Не отставай.

Они спустились по лестнице — тёмной, заваленной обломками, — и вышли во двор. Здесь было тише. Стены гасили звуки, и казалось, что война осталась где-то там, за пределами этого маленького квадрата, засыпанного битым кирпичом и мусором. Но это было обманчивое спокойствие. Саша знал: стоит высунуться за угол — и всё начнётся снова.

Они двигались синхронно, как единый организм. Пять лет совместной службы, десятки операций, три горячие точки. Саша впереди, Иван замыкающим. Между ними — ещё трое бойцов, молодых, зелёных, но уже успевших понять, что такое война. Иван Смольный — огромный, рыжий, с лицом, покрытым веснушками, — был его тенью, его братом, его единственным настоящим другом. Саша знал его семью — мать в Смоленске, сестра в Москве. Знал, что Иван мечтает вернуться домой, купить дом у реки и завести собаку. Знал, что он никогда не жалуется и никогда не отступает.

Взрыв прогремел неожиданно.

Саша успел обернуться. Увидел, как стена дома напротив складывается, словно карточный домик. Кирпичи полетели в стороны, поднялось облако пыли — густое, непроглядное. Увидел, как Иван, прикрывая отход группы, вскидывает автомат. Увидел, как из-за угла появляется американский «Абрамс» — огромный, хищный, с чёрным дулом, смотрящим прямо на них. Танк выполз из-за поворота медленно, будто наслаждаясь моментом. Башня повернулась с механическим лязгом. Дуло смотрело прямо на Ивана.

— Ваня! — закричал Саша.

Иван обернулся. Улыбнулся — той самой улыбкой, которая всегда означала «всё будет хорошо, командир». Улыбкой, которую Саша видел сотни раз — перед прыжком с парашютом, перед входом в здание, где засели боевики, перед каждым боем. Улыбкой человека, который знал, что делает, и не сомневался ни на секунду.

И шагнул вперёд, заслоняя Сашу от осколков.

Второй взрыв.

Саша не слышал его — только почувствовал, как воздух рванул барабанные перепонки, как земля ушла из-под ног, как его самого отбросило назад, к стене. Он упал на спину, ударился затылком о бетон. В глазах вспыхнуло белое, потом потемнело. На секунду — только на секунду — он потерял сознание.

Когда очнулся, пыль ещё висела в воздухе, медленно оседая. В ушах стоял звон. Саша перевернулся на бок, попытался встать. Тело слушалось плохо, будто чужое. Он пополз вперёд, цепляясь за обломки, оставляя за собой кровавый след — откуда кровь, он не понимал, да и не думал об этом.

Иван лежал в десяти метрах от него.

Осколок вошёл ему под левую лопатку. Прямо в сердце. Саша увидел это сразу — по тому, как неестественно выгнулась спина, по тому, как кровь, тёмная и густая, пропитывала камуфляж, растекаясь по земле неровным пятном. Он подполз к нему, перевернул на спину. Иван был тяжёлым — всегда был тяжёлым, — но сейчас Саша поднял его легко, будто пушинку, прижал к себе, чувствуя, как тёплая кровь пропитывает его собственный камуфляж, как она липнет к рукам, к груди, к лицу.

— Не умирай, — прошептал он. — Не смей. Слышишь? Не смей.

Иван открыл глаза. В них не было боли. Только спокойствие. То самое спокойствие, которое всегда было с ним — на войне, в бою, в любой ситуации. Будто он знал что-то, чего не знали остальные. Будто видел что-то за горизонтом, недоступное другим.

— Ты справишься, Китаец, — сказал он. Голос был тихим, но ясным. — Ты всегда справляешься.

Саша хотел ответить. Хотел сказать, что нет, не справится, что без него не сможет, что Иван — единственный, кто его понимает, единственный, кому он доверяет. Но слова застряли в горле, превратились в комок, который не получалось ни проглотить, ни выплюнуть.

Иван улыбнулся — слабо, уголками губ. Поднял руку, коснулся плеча Саши. Пальцы оставили кровавый след на камуфляже.

— Маме... — начал он, но не закончил. Глаза остановились, уставившись куда-то вверх, в пыльное небо. Рука упала.

Саша держал его ещё минуту, две, три. Не отпускал. Пыль оседала на лицо Ивана, покрывая веснушки серым налётом. Где-то далеко ухали взрывы, кричали люди, стреляли автоматы. Но здесь, в этом маленьком дворе, было тихо. Только ветер шевелил обрывки бумаги да капала кровь с пальцев Саши на бетон. Кап. Кап. Кап.

Потом кто-то схватил его за плечи, попытался оттащить. Саша не сопротивлялся. Он смотрел, как тело Ивана остаётся позади — рыжие волосы, веснушки, улыбка, которая так и не сошла с лица.

Саша открыл глаза.

Потолок. Бревенчатый, тёмный, с трещинами. По балке медленно полз паук — маленький, чёрный, деловитый. Над ним — не Тегеран, не горящая улица, не умирающий друг. Над ним — Сибирь. Тишина.

Он лежал на узкой кровати, укрытый старым шерстяным одеялом. Тело было мокрым от пота. Руки дрожали — мелко, противно, будто внутри поселился моторчик. Саша сжал их в кулаки, заставил дышать медленно: вдох на четыре счёта, задержка на четыре, выдох на восемь. Старая техника, которой его научили ещё в Суворовском. Тогда она казалась игрой — способом успокоиться перед экзаменом. Теперь — спасением.

Вдох. Раз, два, три, четыре.

Задержка. Раз, два, три, четыре.

Выдох. Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

Сердце замедлилось. Дрожь в руках унялась. Саша сел на кровати, спустил ноги на пол. Пол был холодным — брёвна не успели прогреться за ночь. Он посмотрел на часы, стоявшие на тумбочке: пять утра. За окном — серый, неохотный рассвет. Тайга просыпалась.

Залаяла собака — где-то далеко, у реки. Прокричала выпь — протяжно, тоскливо. Саша встал, накинул старую армейскую куртку — единственное, что осталось от прошлой жизни, — и вышел на крыльцо.

Тайга стояла вокруг стеной. Высокие ели, кедры, пихты — они подступали к самой избе, будто хотели её поглотить, и только небольшой двор с колодцем, поленницей и летней кухней оставался свободным от этого зелёного моря. Воздух был таким чистым, что кружилась голова. Пахло хвоей, сыростью, дымом — дед уже растопил печь в летней кухне.

Иван Семёнович сидел на корточках у колодца, чистил рыбу. Ему было семьдесят восемь, но спина оставалась прямой, а руки — твёрдыми. Он был егерем всю жизнь. Знал тайгу так, как городские знают свои улицы. Знал, где растёт самый вкусный дикорос, где лучше ставить капканы на зайца, где можно найти воду в засуху. И он единственный, кто никогда не спрашивал Сашу о войне. Ни разу за два года.

— Проснулся? — дед не обернулся. Нож методично снимал чешую с крупного леща, и она падала на траву серебристыми блёстками. — Сны?

— Сны, — коротко ответил Саша. Он не пытался отрицать. Дед всё равно видел.

— Оно и понятно. — Иван Семёнович отложил нож, вытер руки о тряпку. Поднялся, посмотрел на внука. Глаза у него были светлые, выцветшие, но острые — как у старого охотника, который за версту видит, куда побежит зверь. — Ты это... не засиживайся в голове. Там, — он постучал себя по виску, — война закончилась. А здесь, — он обвёл рукой тайгу, — никогда и не начиналась.

Саша кивнул. Но про себя знал: война никогда не заканчивается. Она просто ждёт. Затаивается где-то в глубине, в извилинах памяти, и вылезает ночью, когда ты думаешь, что уже забыл. Она пахнет пылью и горелой резиной. Она звучит голосом Ивана: «Ты справишься, Китаец».

— Сегодня на Озёрном рыба должна брать, — сказал дед, возвращаясь к рыбе. — Я с утра лещей видел. Пойдёшь?

— Пойду.

— Вот и ладно. — Иван Семёнович снова взялся за нож. — Возьми сеть, что в сарае. И удочку не забудь. И это... — Он помолчал. — Возьми с собой термос. На крыльце стоит. Я чай заварил. С травами. Чтобы голову отпустило.

Саша посмотрел на деда. Тот не поднимал глаз, сосредоточенно чистил рыбу. Но в его голосе было что-то такое — не жалость, нет. Понимание.

— Спасибо, — сказал Саша.

— Не за что. — Дед махнул рукой. — Иди уже. Солнце встаёт.

Саша вернулся в избу, оделся. Простая одежда: тёмные штаны, свитер, куртка. Он не носил форму с тех пор, как уволился. Не хотел. В кармане куртки лежал нож — небольшой, но острый. Привычка, от которой он не мог избавиться. Он всегда носил с собой оружие. Даже в тайге, где единственными врагами были комары да медведи. Медведи, впрочем, тоже были серьёзными врагами.

Он взял сеть, удочку, термос. Вышел из избы, прошёл через двор. Дед всё ещё сидел у колодца. Саша не стал с ним прощаться — они никогда не прощались. Просто уходили и возвращались. Так было принято.

Тропа начиналась сразу за огородом — узкая, едва заметная, петлявшая между вековыми кедрами и буреломами. Саша шёл по ней легко, не сбиваясь с шага. Ноги сами находили дорогу — за два года он исходил здесь каждый метр. Знал, где нужно переступить через упавшее дерево, где обойти болотину, где остановиться и посмотреть на белку, прыгающую по веткам.

Утро было ясным. Солнце пробивалось сквозь кроны, ложилось на мох золотыми пятнами. Где-то в глубине леса стучал дятел — ритмично, настойчиво. Пахло багульником и прелой листвой. Птицы перекликались в ветвях — невидимые, но громкие. Саша шёл и чувствовал, как постепенно отпускает. Не до конца — никогда до конца, — но достаточно, чтобы дышать стало легче.

Озеро Озёрное — хотя местные называли его просто Озёром — лежало в трёх километрах от деревни. Дороги к нему не было, только эта тропа. Вода в нём была тёмной, торфяной, но чистой. Рыба водилась: лещ, окунь, щука. Дед говорил, что в озере есть даже сомы, но Саша ни разу не видел.

Он вышел на берег, разложил снасти. Место было знакомым до последней травинки: старый пень, на котором удобно сидеть, плоский камень у воды, где можно разложить улов. Саша забросил удочку, устроился на одеяле, прислонившись спиной к стволу сосны. Поплавок закачался на воде — красно-белый, яркий, единственное пятно в тёмной глади.

Время шло. Рыба не клевала. Но это было неважно. Саша смотрел, как стрекозы носятся над водой — синие, с прозрачными крыльями, — как где-то в камышах возится ондатра, как облака медленно плывут по небу. В такие моменты он почти верил, что сможет забыть. Что Тегеран остался где-то там, в другой жизни. Что Иван просто уехал куда-то далеко и когда-нибудь вернётся.

Почти.

Звук мотора он услышал за версту.

В тайге не было дорог для машин, но по реке иногда поднимались катера. Местные рыбаки ходили на вёслах — тихо, неторопливо. Мотор означал чужака. Саша насторожился. Тело отреагировало раньше сознания: спина выпрямилась, рука сама потянулась к поясу — туда, где под курткой висел нож. Привычка, от которой он не мог избавиться.

Он встал, отложил удочку. Посмотрел в сторону реки. Катер вынырнул из-за поворота — военный, с серым корпусом, без опознавательных знаков. На палубе стояли двое в штатском. Но Саша сразу понял: не гражданские. Выправка, осанка, взгляд — всё выдавало в них военных. И не просто военных. Офицеров.

Катер причалил к берегу. Первым сошёл мужчина лет шестидесяти — высокий, седой, с жёстким лицом. Второй остался на палубе, держа руку под пиджаком. Саша знал этот жест. Пистолет в плечевой кобуре. Готовность.

— Александр Лан? — спросил седой. Голос был низкий, командный. Так говорят люди, привыкшие отдавать приказы.

— Допустим.

— Генерал ФСБ, Сергей Николаевич Воронов. — Мужчина достал удостоверение. Настоящее, с голограммой. — Мне нужно с вами поговорить.

Саша не двинулся с места. Он смотрел на генерала, и в голове уже складывалась картина. ФСБ. Личное дело. Просьба, от которой нельзя отказаться. Он знал, как это работает.

— У меня отпуск. Бессрочный.

— Знаю. — Воронов подошёл ближе, остановился в двух шагах. — Поэтому и приехал. Мне нужен не офицер. Мне нужен человек, который умеет исчезать и появляться там, где его не ждут.

Саша молчал. Он смотрел на генерала, на его усталое лицо, на руки, которые слегка дрожали — то ли от возраста, то ли от чего-то другого. Воронов был не просто генералом. Он был отцом. Саша это видел.

— Что случилось?

Воронов вздохнул. Впервые за всё время его лицо дрогнуло — на мгновение, но Саша успел заметить.

— Моя дочь. Алина. Ей двадцать три. Она... уехала. — Он замолчал, подбирая слова. — С молодым человеком. Арабом. Его зовут Хасан. Он учился в Москве, в университете. Познакомились на каком-то семинаре. Она влюбилась, как дура, и... — Генерал сжал кулаки. — Он увёз её в сектор Газа. Три месяца назад. Мы не знаем, где она. Не знаем, жива ли.

Саша смотрел на озеро. Вода была спокойной, гладкой, как зеркало. Где-то в глубине плеснула рыба — серебристая, быстрая.

— Почему не пошлёте своих?

— Потому что официально мы не можем там работать. — Воронов поморщился. — Это зона конфликта. Израиль бомбит, ХАМАС отвечает, там сейчас чёрт ногу сломит. Любая официальная операция — это международный скандал. А мне нужна неофициальная. Тихая.

— Вы понимаете, о чём просите? — Саша повернулся к нему. — Это не Иран. Это хуже.

— Понимаю. — Генерал выдержал его взгляд. — Поэтому прошу вас. Вы там были. Вы знаете Восток. Вы знаете, как выживать.

— Я ушёл со службы.

— Я знаю. — Воронов сделал паузу. — Иван Смольный был моим племянником.

Саша замер. Внутри что-то оборвалось — резко, болезненно, как старая рана, которую растревожили. Он почувствовал, как кровь отхлынула от лица, как сжались кулаки.

— Что вы сказали?

— Ваня. Он был сыном моей сестры. — Голос генерала стал тише. — Я знаю, что вы были там. Знаю, что он погиб, прикрывая вас. И я не виню. Он был солдат. Он знал, на что шёл. — Воронов подошёл ещё ближе. — Но если вы не сделаете это ради меня, сделайте ради него. Ради памяти о нём. Он бы не бросил девчонку в беде.

Саша отвернулся. Руки снова дрожали. Он сжал их, спрятал в карманы куртки.

Перед глазами снова встал Иван. Улыбающийся, рыжий, огромный. «Ты справишься, Китаец. Ты всегда справляешься». И ещё: «Маме...» — слово, которое он не успел закончить.

Саша так и не нашёл его мать. Не смог. Боялся.

— Когда вылет? — спросил он.

— Через три дня. — Воронов выдохнул. — Всё, что нужно, будет готово. Документы, легенда, связь. Вам нужно только согласие.

Саша молчал ещё минуту. Смотрел на озеро, на лес, на небо. На мир, который он построил, чтобы забыть. На тишину, которую он так долго искал.

— Я согласен, — сказал он наконец.

Воронов кивнул. Не улыбнулся, не поблагодарил. Просто кивнул, как человек, который знал, что ответ будет именно таким.

— Завтра я пришлю машину. В деревню. — Он повернулся, пошёл к катеру. У самой кромки воды остановился, обернулся. — Александр... Спасибо.

Саша не ответил. Он смотрел, как катер отчаливает, как он исчезает за поворотом реки, как тишина возвращается — медленно, неохотно, будто не веря, что её оставили в покое.

Потом он сел обратно на одеяло. Забросил удочку. Поплавок закачался на воде. Солнце поднялось выше, пригрело лицо. Где-то в лесу снова застучал дятел.

Саша закрыл глаза. Вдох на четыре счёта. Задержка. Выдох на восемь.

Завтра он вернётся в мир, который пытался забыть. Но сегодня — сегодня он ещё здесь. На озере. В тишине.

Поплавок дёрнулся. Рыба.

Саша открыл глаза и взялся за удочку.

Глава 2. Озеро

Катер ушёл, и тишина вернулась.

Не сразу — она приходила постепенно, волнами, будто вода после брошенного камня. Сначала стих мотор, растворился вдалеке, за поворотом реки, где тайга смыкалась над водой зелёным тоннелем. Потом улеглась рябь на озере — та самая, что разбегалась от берега, когда Воронов сошёл на сушу. И только тогда, когда исчезли последние отголоски чужих голосов и шагов, лес снова задышал полной грудью.

Саша сидел на одеяле, не двигаясь. Удочка лежала рядом, забытая. Поплавок покачивался на воде — красно-белое пятнышко, единственное яркое в тёмной глади. Рыба, которая дёрнула леску минуту назад, ушла. Обиделась, наверное. Или просто почувствовала, что здесь больше не тихо.

Он смотрел на озеро и думал.

Два года. Два года он строил этот мир — маленький, замкнутый, предсказуемый. Мир, в котором не было взрывов, не было пыли, не было криков и крови. Мир, где утро начиналось с запаха хвои и дыма из печи, где день измерялся не часами, а рыбалкой да работой по хозяйству, где ночь приходила тихо и без снов. Почти без снов.

Два года — и один визит генерала разрушил всё.

Саша провёл рукой по лицу. Ладонь была шершавой, с мозолями — от топора, от вёсел, от сетей. Он отвык от другой жизни. Отвык просыпаться по команде, отвык носить форму, отвык думать о том, что завтра может не наступить. И вот теперь...

— Сектор Газа, — сказал он вслух.

Голос прозвучал странно — глухо, будто из бочки. Саша редко говорил сам с собой. Дед бы усмехнулся: «Беседуешь? Это хорошо. Значит, голова ещё работает». Но деда здесь не было. Был только лес, озеро и поплавок, качающийся на воде.

Он знал, что такое сектор Газа. Знал не понаслышке. В две тысячи третьем, когда они с Иваном работали в Иране, новости оттуда доходили урывками — через сводки, через разговоры с местными, через слухи. Полоска земли на берегу Средиземного моря, зажатая между Израилем, Египтом и морем. Один из самых густонаселённых районов планеты. И один из самых опасных. Там стреляли каждый день. Там бомбили каждую неделю. Там жили люди, которые родились в войне, выросли в войне и не представляли, что бывает иначе.

И туда уехала девчонка. Двадцать три года. Дочь генерала ФСБ.

Саша покачал головой. Он не понимал таких людей. Не понимал, как можно бросить всё — дом, семью, страну — и уехать в ад за человеком, которого толком не знаешь. Но он и не осуждал. Люди разные. Некоторые ищут тишину, как он. А некоторые — приключений. Или любви. Или чего-то ещё, чего не хватает в обычной жизни.

Алина искала любовь. Нашла войну.

Саша поднялся, взял удочку. Забросил снова — далеко, к камышам, где вода темнее и глубже. Поплавок лёг на воду, замер. Теперь можно было думать дальше.

Иван Смольный был племянником Воронова.

Это не укладывалось в голове. Пять лет вместе, пять лет бок о бок — и Иван ни разу не обмолвился, что его дядя — генерал ФСБ. Хотя... Саша усмехнулся. Иван вообще мало говорил о семье. Знал только про мать в Смоленске да сестру в Москве. Про дядю — ни слова. Может, не хотел хвастаться. Может, наоборот — не хотел, чтобы к нему относились по-особенному. Иван был из тех людей, которые всё делают сами. Никаких поблажек, никаких связей. Сам поступил в училище, сам пошёл в спецназ, сам добился всего, что имел.

И погиб так же — сам. Шагнул вперёд, заслонил собой.

Саша смотрел на поплавок и чувствовал, как внутри поднимается что-то старое, знакомое. Не боль — боль он научился гасить, как огонь в печи, — а что-то другое. Что-то похожее на долг. На обязательство, которое он так и не выполнил.

«Маме... Скажи, что я не мучился».

Иван не успел договорить. Но Саша знал, что он хотел сказать. Знал, потому что они говорили об этом раньше — много раз, перед каждым выходом. У них было такое правило, негласное: если один погибает, другой находит его семью и говорит, что он умер быстро. Без боли. Во сне, почти. Это было враньё, конечно. Но враньё во спасение. Чтобы матери не снились кошмары. Чтобы сёстры не плакали ночами.

Саша так и не нашёл мать Ивана. Не смог. В первый год после Ирана он порывался — собирал документы, искал адрес, даже купил билет на поезд. Но в последний момент не поехал. Испугался. Не войны, не смерти — а её глаз. Тех глаз, которые будут смотреть на него и спрашивать без слов: «Почему ты жив, а мой сын — нет?»

Он не нашёл ответа. До сих пор не нашёл.

А теперь генерал Воронов стоял перед ним и говорил: «Сделайте это ради него».

Саша сжал удочку. Пальцы побелели на рукояти.

— Ладно, Ваня, — сказал он тихо. — Ты меня слышишь? Я сделаю это. За тебя.

Ветер прошёл по озеру, взъерошил воду. Поплавок дёрнулся — раз, другой. Саша подсек. Леска натянулась, удилище согнулось дугой. На том конце билось что-то тяжёлое, сильное.

Он вытащил леща. Большого — килограмма на два, не меньше. Серебристый, толстый, с красноватыми плавниками. Лещ бился в руках, пытаясь вырваться.

— Хорош, — сказал Саша. — Дед обрадуется.

Он снял рыбу с крючка, опустил в садок. Забросил снова. И вдруг понял, что впервые за два года ему не терпится вернуться в деревню. Не потому, что там тепло и уютно. А потому, что нужно готовиться. Собираться. Думать.

Война снова звала его. И он шёл.

К деревне он вернулся к полудню.

Солнце стояло высоко, припекало. Тайга, утренняя, свежая, теперь казалась другой — тяжёлой, душной, полной комаров и слепней. Саша шёл быстро, не разбирая дороги, переступая через корни и валежник. Садок с рыбой бился о бедро. В голове уже складывался план.

Первое: документы. Воронов сказал, что всё будет готово. Значит, будет. Легенда — гражданин Казахстана, этнический кореец. Александр Ким. Волонтёр. Это хорошо. Казахстан — страна, к которой на Ближнем Востоке относятся нейтрально. Корейская внешность — ещё лучше. В тайге его звали Китайцем за раскосые глаза и скулы, но в Газе он сойдёт за корейца. Там таких много — китайцев, корейцев, филиппинцев. Работают на стройках, в госпиталях, в гуманитарных миссиях.

Второе: легенда. Волонтёр, работающий с гуманитарной миссией. Нужно будет выучить несколько фраз на арабском — самых простых, обиходных. «Здравствуйте», «Спасибо»,

«Воды», «Помощь». Воронов обещал связного — Юсуфа. Тот поможет с логистикой. Бывший военный, держит лавку в Рафахе. Значит, знает район. Это плюс.

Третье: оружие. Саша не питал иллюзий. В Газе без оружия делать нечего. Нож у него есть — тот самый, что всегда с собой. Но нож — это не автомат. Воронов наверняка обеспечит чем-нибудь посерьёзнее. Если нет — придётся добывать на месте. Юсуф поможет.

Четвёртое: Алина. Вот тут было сложнее всего. Он не знал её. Не знал, как она выглядит, какой у неё характер, чего она хочет. Воронов сказал только: «Двадцать три года. Училась на переводчика. Влюбилась в араба. Уехала в Газу». Всё. Мало. Слишком мало.

Саша знал по опыту: люди в стрессовых ситуациях ведут себя непредсказуемо. Кто-то ломается, кто-то наоборот — становится сильнее. Кто-то идёт за спасителем, кто-то сопротивляется. Алина могла быть любой из них. Могла плакать и проситься домой. Могла кричать, что останется с Хасаном, что любит его, что никуда не поедет. Могла вообще не поверить, что Саша от отца.

«Придётся импровизировать», — подумал он. И это было самое неприятное. Саша любил планировать. Любил, когда всё идёт по схеме. Война, конечно, всегда вносила коррективы, но хотя бы начальная схема должна быть. А тут — сплошные неизвестные.

Он вышел к деревне. Дед сидел на крыльце, курил трубку. Рядом стоял таз с вычищенной рыбой — лещи, окуни, пара щук. Дым от трубки поднимался к небу тонкой струйкой.

— Много поймал? — спросил дед, кивнув на садок.

— Одного. Большой.

— Показывай.

Саша достал леща. Дед посмотрел, одобрительно хмыкнул:

— Хорош. На уху пойдёт. И на засолку останется. — Он выпустил дым, прищурился. — Ну, рассказывай.

Саша сел рядом на ступеньку. Рассказал. Коротко, без деталей — дед не любил длинных речей. Про генерала, про дочь, про Газу. Про то, что уезжает через три дня.

Иван Семёнович слушал молча. Трубка в его руке не дрогнула, лицо оставалось спокойным. Когда Саша закончил, он ещё минуту сидел, глядя куда-то вдаль, на тайгу. Потом выбил трубку о перила, спрятал в карман.

— Значит, война, — сказал он.

— Война.

— А я думал, ты завязал.

— Я тоже так думал.

Дед кивнул. Помолчал. Потом поднялся:

— Пойдём в избу. Есть разговор.

В избе было прохладно. Пахло сушёными травами — пучки висели под потолком, перевязанные красной ниткой. Дед достал из-за печи старый сундук, окованный железом. Ключ висел у него на шее, на шнурке. Он отпер замок, поднял крышку. Внутри лежали вещи, которые Саша видел только раз в жизни — давно, в детстве.

Дед достал длинный свёрток, завёрнутый в промасленную ткань. Положил на стол. Развернул.

Меч.

Не сувенирный, не декоративный. Настоящий цзянь — китайский прямой меч. Узкое лезвие из дамасской стали, с видимым рисунком — волнистым, похожим на рябь на воде. Рукоять, обмотанная выцветшим шёлком. Гарда — простая, железная, без украшений. На клинке — иероглифы, стёршиеся от времени, но ещё различимые.

Саша смотрел на меч и чувствовал, как что-то внутри отзывается. Не страх, не удивление. Что-то древнее, будто память крови.

— Это твоего прадеда, — сказал дед. — Ван Лана. Он пришёл в Россию в двадцатых, когда в Китае была война. Работал на железной дороге, женился на русской. Твоя бабушка, Мария, была из казачек. От неё у тебя глаза. От него — всё остальное.

Саша протянул руку, коснулся лезвия. Оно было холодным — даже в тёплой избе. Острым, как бритва.

— Я не умею с ним обращаться.

— Умеешь. — Дед усмехнулся. — Я видел, как ты двигаешься. Это не просто армейская подготовка. Это что-то другое. Китайское.

Саша не ответил. Он действительно учился — долго, упорно. Ушу, тайцзи, багуачжан. Начинал ещё в Суворовском — нашёл старого мастера, китайца, который преподавал в Москве ушу для энтузиастов. Потом были поездки — в Китай, в Шаолинь, в Удан. Он не афишировал это. Но тело помнило.

— Возьми, — сказал дед. — Пригодится.

Саша взял меч. Взвесил в руке. Он был лёгким — грамм восемьсот, не больше, — но чувствовался серьёзно. Как продолжение руки.

— Спасибо, деда.

— Не за что. — Иван Семёнович закрыл сундук, запер. — Это не подарок. Это долг. Ты — последний в роду. Если что случится — меч должен вернуться домой. Понял?

— Понял.

— Вот и ладно. — Дед поднялся, посмотрел на него. Глаза были серьёзными, без обычной усмешки. — Саш. Ты это... возвращайся. Слышишь? Не геройствуй там. Девчонку спаси и возвращайся. Я не хочу тебя хоронить.

Саша кивнул. Слова застряли в горле. Он хотел сказать многое — что дед ему как отец, что он не подведёт, что вернётся. Но вместо этого просто кивнул.

Дед понял. Он всегда понимал.

— Ладно, — сказал он, отворачиваясь. — Пойдём уху варить. Лещ ждать не будет.

Ночью Саша не спал.

Он сидел на крыльце, смотрел на звёзды. В тайге они были другими — яркими, крупными, будто кто-то рассыпал по небу горсть алмазов. Млечный Путь тянулся через всё небо — белая река, усыпанная искрами. Где-то далеко ухнул филин. Потом ещё раз. Тишина.

Саша думал об Иване.

Он часто думал о нём по ночам. Не специально — просто приходило. Воспоминания всплывали сами, как рыба из тёмной воды. Вот Иван смеётся над какой-то шуткой. Вот он чистит автомат, напевая себе под нос. Вот он стоит на крыше, рыжий, огромный, и говорит в наушник: «Китаец, приём».

А вот он лежит на земле, и кровь пропитывает камуфляж.

Саша закрыл глаза. Вдох на четыре счёта. Задержка. Выдох на восемь.

— Я справлюсь, Ваня, — сказал он тихо. — Обещаю.

Звёзды молчали. Ветер шевелил ветки. Где-то в деревне залаяла собака.

Саша поднялся, пошёл в избу. Нужно было поспать. Завтра — дорога. Москва. Документы. Подготовка.

А потом — Газа.

Он лёг на кровать, укрылся одеялом. Меч — в чехле, смазанный, готовый — лежал рядом. Саша положил руку на рукоять.

И закрыл глаза.

В эту ночь ему ничего не снилось. Или снилось что-то хорошее — он не запомнил.

Утром он уехал.

Глава 3. Москва

Москва встретила его дождём.

Саша вышел из самолёта, вдохнул влажный, бензиновый воздух и поморщился. За два года в тайге он отвык от города. От толпы, от шума, от постоянного движения — машин, людей, огней. Здесь всё было другим: быстрым, резким, требовательным. Аэропорт гудел, как улей, — объявления, шаги, голоса, звонки телефонов. Саша стоял на трапе, смотрел на серое небо и чувствовал, как внутри сжимается пружина.

Он прилетел рейсом из Новосибирска — обычным, гражданским, вместе с семьями в отпуск, командировочными и студентами. Никто не знал, кто он. Никто не смотрел в его сторону. И это было хорошо. Анонимность — первое правило.

В аэропорту его ждали. Молодой человек в строгом костюме, с лицом, лишённым всякого выражения, — такие лица бывают у людей, которые годами работают с документами и секретами. Он стоял у выхода, держа табличку с надписью «Ким». Саша подошёл.

— Александр Ким? — спросил молодой человек.

— Да.

— Следуйте за мной.

Они вышли через служебный коридор, миновав толпу. У служебного выхода стояла чёрная «Волга» — старая, но ухоженная, с тонированными стёклами. Молодой человек открыл заднюю дверь:

— Генерал ждёт.

Саша сел. Машина тронулась.

Москва проплывала за окном — серая, мокрая, знакомая до боли. Он смотрел на улицы, на людей под зонтами, на витрины магазинов, на рекламные щиты, мигающие сквозь дождь. Всё было другим и тем же одновременно. Два года — небольшой срок для города, но достаточный, чтобы почувствовать себя чужим. Саша поймал себя на мысли, что не узнаёт некоторые здания — их снесли, построили новые, стеклянные, блестящие. Москва менялась. Москва не ждала.

Машина свернула на Лубянку. Саша смотрел на здание ФСБ — большое, серое, с колоннами, — и вспоминал, как впервые попал сюда. Молодой лейтенант, только после училища, с горящими глазами и верой в справедливость. Тогда казалось, что здесь работают только герои. Потом он узнал, что герои — это те, кто возвращается. А остальные — просто имена в бумагах.

«Волга» остановилась у служебного входа. Молодой человек провёл Сашу внутрь, через коридоры, мимо охраны, мимо людей в форме и без. Лифт поднялся на четвёртый этаж. Дверь кабинета открылась.

Генерал Воронов сидел за столом, заваленным бумагами. На стенах — карты, схемы, фотографии. На столе — ноутбук, стакан с остывшим чаем, пепельница с окурками. Он выглядел уставшим. Более уставшим, чем на озере. Тени под глазами стали глубже, морщины — резче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.